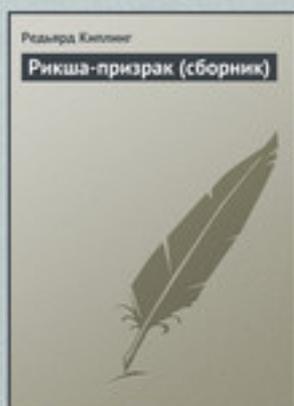

Редьярд Киплинг

Рикша-призрак

*Часть сборника
Рикша-призрак (сборник)*

Редьярд Киплинг

Рикша-призрак

«Public Domain»

1885

Киплинг Р. Д.

Рикша-призрак / Р. Д. Киплинг — «Public Domain», 1885

«Одно из немногих преимуществ Индии перед Англией заключается в возможности иметь обширные знакомства. Через пять лет службы человек знаком уже прямо или косвенно с двумя-тремястами чиновниками своего округа, со всеми офицерами десяти или двенадцати полков и батарей и больше чем с тысячью разного неофициального люда. В продолжение десяти лет число его знакомств удваивается, а через двадцать он знает хорошо, или более или менее хорошо, каждого англичанина в империи и может путешествовать всюду, не оплачивая счетов в гостиницах...»

© Киплинг Р. Д., 1885

© Public Domain, 1885

Редьярд Киплинг

Рикша-призрак

* * *

*Да не нарушат покой мой больные грезы.
Да не смутит меня могущество тьмы.*

Вечерний гимн

Одно из немногих преимуществ Индии перед Англией заключается в возможности иметь обширные знакомства. Через пять лет службы человек знаком уже прямо или косвенно с двумя-тремястами чиновниками своего округа, со всеми офицерами десяти или двенадцати полков и батарей и больше чем с тысячью разного неофициального люда. В продолжение десяти лет число его знакомств удваивается, а через двадцать он знает хорошо, или более или менее хорошо, каждого англичанина в империи и может путешествовать всюду, не оплачивая счетов в гостиницах.

Праздношатающиеся туристы, требующие общения с людьми, уже на моей памяти несколько притупили это чувство благодушия и широкого гостеприимства. Но и теперь еще, если вы принадлежите к местному кругу и если вы не смотрите волком на людей, для вас открыт каждый дом, и наш маленький мирок готов оказать вам любую помощь.

Лет пятнадцать назад Рикетт из Камарты остановился у Польдера из Кумаона. Он думал остановиться только на две ночи, но заболел ревматической лихорадкой. В течение шести недель он вносил беспорядок в дом Польдера, остановил его дела и в конце концов умер чуть не в его спальне. Польдер держал себя так, как будто был навеки связан с ним каким-нибудь обязательством, и ежегодно посылал маленьким Рикеттам ящик с подарками и игрушками. Мужчины, которые не постесняются скрыть от вас своего мнения, если считают вас ничего не смыслящим ослом, женщины, способные очернить вас и ваше снисхождение к развлечениям вашей жены, те и другие лезут из кожи вон, чтобы помочь вам, когда вы заболаете или когда вас постигнет несчастье.

Доктор Хизерлеф, вдобавок к обычной своей практике, устроил на собственные средства госпиталь – ряд отдельных ящиков для неизлечимых, как называл это его приятель, – но на самом деле прекрасное пристанище для пострадавших от бурь и непогод жизни. Погода в Индии часто бывает знойная, и так как всегда бывает строго определенное количество работы и людям, как милость, даруют возможность переутомляться, не получая даже благодарности, то они сваливаются с ног и так иной раз расхвораются, что приходится серьезно лечить их.

Хизерлеф – самый милый доктор, который когда-либо был на свете. Его неизменное предписание всем пациентам таково: «Не спите на высоком изголовье, ходите медленно, не горячитесь». Он говорит, что чрезмерная работа убивает большее количество людей, чем этого требует необходимость существования мира. Он утверждает, что переутомление убило и Пансея, умершего у него на руках три года назад. Без сомнения, он имеет право так говорить и смеяться над моим предположением, что в голове Пансея образовалась трещина, через которую попала туда частица элементов из потустороннего мира и довела его до смерти. «Пансей упустил случай воспользоваться продолжительным отпуском на родину», – говорил Хизерлеф. Не в том дело, был ли он негодяем относительно м-с Кэт Вессингтон или не был. По-моему, работа в Катабундском Сеттльменте надорвала его силы, потому он и начал придавать слишком большое значение обыкновенному флирту на пароходе. Кроме того, он был обручен с м-с Маннеринг, и она потом отказала ему. Затем он схватил лихорадку, и тогда началась вся

эта чепуха с призраком. Переутомление было главной причиной его болезни, поддерживало ее и убило беднягу. Вините государственный строй, заставляющий одного человека работать за двоих с половиной.

Я этому не верю. Мне приходилось сидеть с Пансеом, когда я не был занят, а Хизерлефа вызывали к пациентам. Больной немало удручал меня своими бесконечными рассказами тихим, монотонным голосом о видениях, которые проходили постоянно перед его постелью. Он говорил языком больного человека. Когда он приходил в себя, я просил его записывать все с начала до конца, думая, что это облегчит его страдания.

Но им овладевало страшное лихорадочное возбуждение, когда он писал, и самый пламенный способ выражения не успокаивал его. Через два месяца он был признан годным для исполнения служебных обязанностей, но, несмотря на то, что его помощь была действительно необходима в одной из комиссий, расстроенной дефицитом и недостатком людей, он предпочел умереть, поклявшись напоследок, что был измучен кошмаром. Я получил от него перед смертью рукопись и привожу ее здесь в том виде, в каком она была написана в 1885 году.

Мой доктор говорит мне, что я нуждаюсь в отдыхе и перемене климата. Нет ничего невероятного, что я скоро буду иметь и то и другое – отдых, который не в состоянии будут нарушить ни курьер в красной куртке, ни полуденный выстрел, и перемену климата в таких далеких краях, куда не довезет меня ни один из наших пароходов. А пока я решил остаться там, где живу, и, вопреки приказанию доктора, поведать всему свету о своих страданиях. Вы сами увидите, в чем заключается моя болезнь, и сами будете судить, есть ли еще человек, рожденный женщиной, на этой брэнной земле, который мучился бы так, как мучаюсь я.

Говоря теперь так, как может говорить приговоренный преступник в последнюю минуту жизни, я нахожу, что моя история, дикая и ужасная, может быть и невероятная, во всяком случае, заслуживает внимания. Я, конечно, не рассчитываю, что мне когда-нибудь поверят. Да и сам я два месяца назад счел бы пьяным или сумасшедшим человека, осмелившегося рассказать мне что-либо подобное. Два месяца назад не было в Индии живого существа счастливее меня. Теперь от Пешавара до моря нет никого несчастнее. Только мой доктор и я знаем это. Он объясняет мои упорно повторяющиеся «галлюцинации» болезненным состоянием мозга, желудка и зрения. Хороши галлюцинации! Я называю его дураком, но он отвечает на это неизменной кротостью, приличествующей его профессии, с постоянной улыбкой на лице, с аккуратно подстриженными бакенбардами. И я начинаю считать себя неблагодарным брюзгой. Но вы сами увидите и будете судить.

Три года назад я имел счастье или величайшее несчастье плыть на пароходе из Гравенденда в Бомбей, возвращаясь из отпуска, с некоей Агнессой Кэт Вессингтон, женой бомбейского офицера. Нечего говорить вам о том, что это была за женщина. Достаточно, если вы узнаете, что к концу путешествия мы были влюблены друг в друга безумно и безнадежно. Богу известно, что я говорю теперь это без малейшего хвастовства. В делах подобного рода всегда бывает так, что один дает, другой принимает. С первых же дней нашей роковой любви я увидел, что чувство Агнессы более сильное, более захватывающее и более – если можно так выразиться – чистое, чем мое. Сознавала ли она это, я не знаю. Кончилось это одинаково скверно для нас обоих. Приехав весной в Бомбей, мы расстались, чтобы встретиться месяца через три-четыре в Симле, куда ее привела любовь, а меня – отпуск. Здесь мы провели вместе сезон, по истечении которого печально угасло пламя моего соломенного костра. Я не оправдываюсь. М-с Вессингтон дала мне много и была готова отдать все. От меня же она узнала в августе 1882 года, что я устал от ее общества, что мне надоело видеть ее, надоело слышать ее голос. Девяносто девяти женщинам из ста так же надоел бы я, как она мне, семьдесят пять из этого числа с гордостью отвернулись бы от меня и в отместку мне стали бы флиртовать с другими

мужчинами. М-с Вессингтон была сотая. На нее нисколько не действовали ни мое явно выраженное пренебрежение к ней, ни мои дерзкие выходки во время наших свиданий.

– Джек, дорогой! – был ее вечный, жалобный припев. – Я убеждена, что все это – только ошибка, ужасная ошибка. Придет время, когда мы будем опять друзьями. Прошу тебя, прости меня, Джек, дорогой!

Я знал, что обижаю ее. И это сознание только усиливало слепую, возрастающую ненависть к ней – инстинкт, побуждающий человека с дикой ожесточенностью придавить паука, наполовину уже убитого им. С этой ненавистью в душе я закончил сезон 1882 года.

В следующем году мы снова встретились с ней в Симле, – она все с тем же грустным лицом и робкими попытками примириться, я с отвращением к ней, которое ощущал каждой клеткой своего существа. Случалось, что я не мог избежать встречи с ней наедине, и каждый раз она обращалась ко мне все с теми же словами. Все те же глупые сетования на то, что все это была «ошибка», и все та же надежда на то, что мы «будем друзьями». Я мог видеть, если бы только хотел, что только этой надеждой она живет. Она бледнела и таяла день ото дня. Вы должны согласиться со мной, что все это могло вывести из терпения кого угодно. Это было нетактичное ребячество, отсутствие женского самолюбия. Я утверждаю, что она заслуживала порицания. И все-таки иногда, в темные, бессонные ночи, я начинал думать, что мог бы относиться к ней с большей добротой. Но это уж действительно «галлюцинация». Не мог же я любить ее насильно или притворяться, что люблю. Это было бы нечестно относительно нас обоих.

В последний год мы опять встретились – в то же самое время, как прежде. Те же надоедливые возгласы и те же краткие ответы с моей стороны. Наконец, я должен был дать ей ясно понять всю нелепость и безнадежность ее попыток вернуть прежние отношения. К концу сезона мы разошлись окончательно в разные стороны; ей трудно стало видеться со мной, так как я был отвлечен новым, захватившим меня интересом. Когда я спокойно вспоминаю теперь в моей больничной комнате сезон 1884 года, он представляется мне призрачной ночью, где свет и тени фантастически перемешиваются. Мое увлечение маленькой Китти Маннеринг; мои надежды, сомнения, страх; наши продолжительные поездки вдвоем; мое трепетное признание; ее ответ; и потом опять это видение – бледное лицо, мелькающее в рикше с черными и белыми ливреями, которое я поджидал когда-то с таким нетерпением; движение руки м-с Вессингтон, обтянутой перчаткой; и, когда мы встречались с ней наедине, что было очень редко, ее грустный, монотонный призыв. Я любил Китти Маннеринг, честно, искренне любил ее, и вместе с ростом моей любви к ней росла во мне ненависть к Агнессе. В августе Китти и я были обручены. На следующий же день я встретил тех проклятых «сорок» джампани на вершине Джакко и, движимый чувством сострадания, остановился поговорить с м-с Вессингтон. Она уже все знала.

– Я слышала, что вы обручены, Джек, дорогой. – Затем, после некоторой паузы: – Я убеждена, что все это ошибка, ужасная ошибка. Придет время, Джек, мы будем опять друзьями, как раньше.

Мой ответ мог бы привести в ярость даже мужчину. Для умирающей женщины, которая была передо мной, это был удар кнута.

– Пожалуйста, простите меня, Джек, я не хотела сердить вас. Но это все-таки правда, правда!

М-с Вессингтон бессильно опустилась в рикше. Я свернул в сторону, предоставив ей продолжать путешествие и почувствовав себя, однако, на минуту или на две настоящим скотом. Я оглянулся и увидел, что она повернула рикшу с намерением, вероятно, догнать меня.

Вся эта сцена, с малейшими подробностями, запечатлелась в моей памяти. Плачущее дождем небо (кончалось дождливое время), угрюмые, намокшие сосны, грязные дороги, темные, растрескавшиеся скалы, и на этом мрачном фоне резко выделявшиеся черные с белым

ливреи джампани, желтая рикша и золотистая, низко опущенная голова м-с Вессингтон. Она полулежала на подушках рикши и держала носовой платок в левой руке. Я повернул лошадь на боковую дорогу вблизи Санджовлийского резервуара и ускакал. Один раз мне показалось, что я слышу слабый призыв: «Джек». Но это могло быть воображение. Я не остановился, чтобы убедиться. Через десять минут я заехал за Китти и в восхитительной долгой прогулке с ней забыл о только что бывшем свидании.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.